

Ирина Устинова

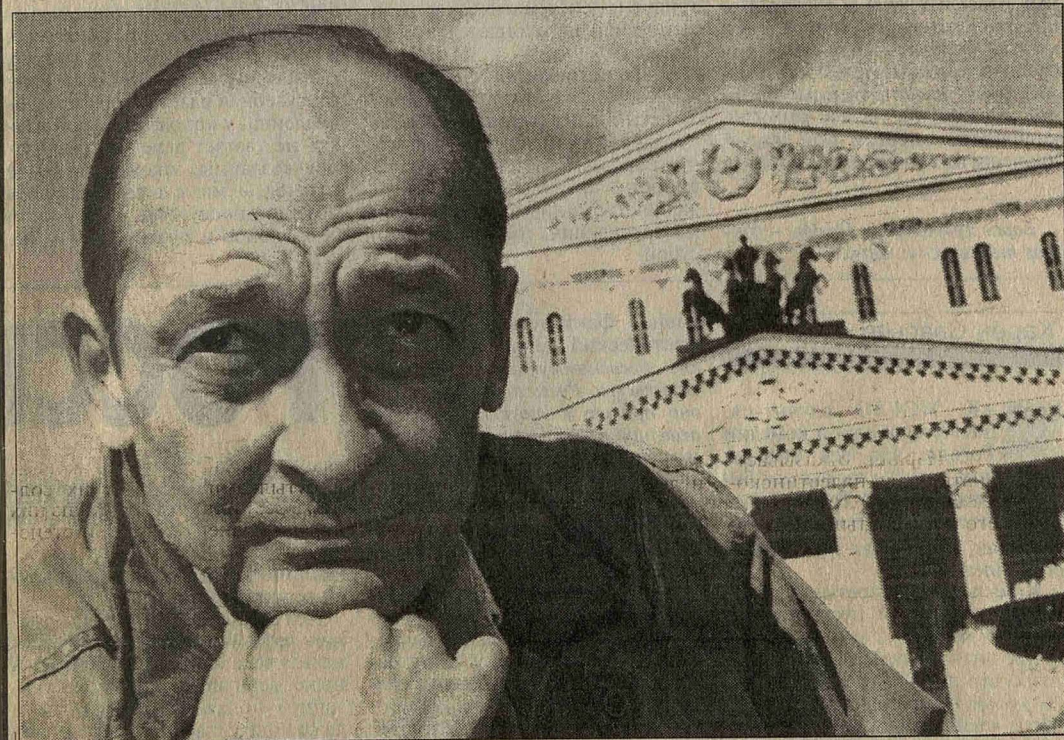
МИХАИЛ, вы живете в постоянном временном цейтноте, нам удалось увидеться только, как вы сказали, в перерыве. Между чем и чем?

— Между репетициями, конечно. Я сейчас все чаще подрабатываю вне Большого театра, и слава Богу, такая возможность есть. Буквально на днях с Галиной Боголюбовой выпустили в ее антрепризе «Богис» спектакль «Евгений Онегин». В этой же антрепризе у меня была еще одна работа с изумительной артисткой Евгенией Симоновой в крайне сложном моноспектакле Андрея Эшпая «Анна» по «Анне Карениной». В начале этого года Иосиф Райхельгауз предложил сделать несколько танцев в новом спектакле для Альберта Филозова и Людмилы Семеняки. Замечательная работа была с Владимиром Меньшовым в фильме «Зависть богов», я поставил танго для нашей блистательной актрисы Веры Алентовой и Анатолия Лобочко. 25 сентября в филиале Малого театра должен состояться, на мой взгляд, интересный вечер балета, в котором я поставил номер на двадцать три минуты о Вацлаве Нижинском, потом этот балет отправится в гастроли по Украине. Но все-таки должен сознаться, что главная моя задача в жизни — сделать свой спектакль. Вот над этим я сейчас и бьюсь.

— Бьетесь в каком смысле?

ГЛАДИАТОРЫ НЕ СДАЮТСЯ

Михаила Лавровского пока чаще можно увидеть вне стен Большого театра

Михаил Лавровский на фоне Большого. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

— Сегодня может идти разговор о новом спектакле, только если у вас есть блат или товарищ с большими деньгами. Я лично искренних меценатов а-ля Морозов или Мамонтов не встречал. Все они прежде всего заботятся о себе и поддерживают свою политическую платформу. Так что надо самому заработать хорошие деньги, чтобы прожить и на эти же деньги попытаться что-то сделать.

— Что именно вы хотели бы поставить?

— «Ричард III» Шекспира — моя давняя мечта, которая потихоньку начинает осуществляться. В прошлом году я уже показал отрывок из будущего спектакля в Зале имени Чайковского. Мне интересны социальные и философские проблемы, сколько я могу потянуть, и, конечно, основное — трансформирующийся балет, пластика. На мой взгляд, «Ричард III» очень актуален в наши дни, и я уверен, что спектакль будет интересен молодежи, думаю, это не громкие слова, хотя, бесспорно, я человек тщеславный, завистливый и честолюбивый.

— Что еще вы бы хотели рассказать зрителю о будущем спектакле?

— Опираясь на свой опыт, я хочу сказать, что не согласен с распространённым мнением, будто все подвластно любому искусству, в частности балету. Допустим, поднять в балете философские темы уровня Достоевского крайне сложно. Можно дать лишь внешнюю сторону проблемы или только чуть проникнуть вглубь, но передать по-настоящему беседу Ивана Карамазова с Алешей Карамазовым, разумеется, невозможно. Значит, на каких-то ключевых философско-социальных моментах надо вводить голос, и я хочу попытаться в «Ричарде III» это сделать.

Кроме того, я убежден, что любой балет должен быть романтическим. Даже если вы изображаете бытовые, эротические, самые жесткие моменты жизни, иначе получается совсем другое, нечто не для сцены. Этот принцип я тоже хочу не упустить в спектакле.

— Есть шанс у «Ричарда III» появиться на сцене Большого театра?

— Во-первых, Большой театр — это театр больших академических полотен, и оперных, и балетных, так же, как Консерватория — храм симфонического искусства великих мастеров. Во-вторых, мне туда трудно будет пробиться. Поэтому спектакль скорее всего будет антрепризным.

— Где вы репетируете?

— Пока дают возможность репетировать в Большом.

— Актеры, занятые в «Ричарде III», тоже из Большого театра?

— И из Ельшого, и приглашенные. До сих пор все репетиции актерам я оплачивал сам, но больше денег у меня нет, надеюсь, они смогут репетировать бесплатно.

— В чем вы больше всего сейчас нуждаетесь?

— Конечно, я хотел бы иметь свой театр. С этой просьбой я обращался в правительство. Чем она обоснована? Я знаю, что театры даются, и, к сожалению, в большинстве случаев незаслуженно. Не буду называть имена и портить карьеру тем немногим государственным людям, к которым обращался за помощью. Во-первых, потому что я на них не давил, у порога не сидел, лбом не бился, и во-вторых, потому что я не такой смелый, чтобы с саблей лезть на танки. Но факт остается фактом — только два человека меня выслушали и ко мне отнеслись хорошо, а один просто поддержал мое предложение, и за это ему огромное спасибо. А все остальные просто не разговаривали. Я не против — дарите дачи, лимузины, театры, пожалуйста, но выслушивайте тех людей, которые не меньше, если не больше других, сделали для искусства в свое время.

Если бы у меня сейчас было положение, как в шестидесятых — начале семидесятых годов, я взял бы какое-то помещение. Мои друзья, государство помогли бы мне создать свой театр, но сейчас мож-

— Способен ли сейчас Большой театр воспитывать танцовщиков уровня Владимира Васильева, Мариса Липеши, Виктора Тихонова, Алексея Фадеечева?

— Может, я не прав, но балет снова становится таким, каким он был еще при советской власти. При всех ее минусах она из балета сделала мощное, полнокровное, драматическое, пластическое искусство. Это был театр в высшем смысле этого слова. Головоломные, головокружительные прыжки не просто ради трюка, а выражение эмоций — любви, ненависти, борьбы. Это было потрясающе.

Театр — такая вещь заразная, не помню, какой певец сказал: «Кто войдет в театр со служебного входа, уже будет человеком несчастным». Я как личность состоялся именно в театре — конечно, в первую очередь в творческом отношении, но и вся закусилась жизнью, закулисная борьба, когда актеры и ругают друг друга, и первыми признают ваш успех, запах грима, репетиции оркестра создали меня тоже. Я не согласен со многими вещами, происходящими сейчас. Поначало даже осуждал, но я не могу никого обвинять, потому что я человек, который сам сделал много ошибок.

— Перемены, происходящие сейчас в Большом театре, могут привести к какому-то положительному движению, оздоровлению театра?

— Мне кажется, когда в театре все попадает в руки денежной политики, справиться невозможно, это пуля в лоб. Как ни странно,

но надеяться только на знакомства. Я, честно говоря, пил водку всегда с теми, с кем мне приятно было пить.

— Советскому балету жилось легче, ведь были огромные государственные вложения в это искусство?

— Правильно, но ведь и денег мы немало заработали, я думаю, 30–40 миллионов долларов точно. Для теперешней олигархии это, конечно, мизер, а мы получали с четырех или двух тысяч долларов, заработанных в месяц, — восемнадцать или десять, и не обижались. Да, государство забирало все деньги, но на то, что я зарабатывал, можно было прожить спокойно в то время.

— Вам в советские времена предлагали остаться за рубежом?

— В Америке предлагали, но я не мог. Не знаю, как у других, но у меня было сильное патриотическое чувство. Тогда я имел замечательную работу в потрясающем театре. Мы все жили только театром. Поездки были редкими, но невероятно значимыми. Мы танцевали только в лучших театрах мира.

— Издательство «Вагриус» собирает напечатать ваши короткие рассказы. О чем вы пишете?

— Я пишу эссе, в которых пытаюсь описать все события своей жизни. Поскольку моя жизнь — это театр, то, естественно, в книге появятся известные имена, но только те, которые я имею моральное право назвать. По форме — это сценарий для будущего спектакля.

— Оказывается, что кроме книги вы пишете либретто и еще здорово рисуете...

— Я делаю графические рисунки, но только для себя. Для публики я хочу быть интересным в танце и реализовать все свои знания в этом искусстве. Я сейчас интенсивно работаю над «Ричардом III», есть уже готовые либретто «Королевы Марго», «Одиночества» на музыку Листа.

— Скучаете по Юрию Григоровичу?

— Скучаю по творчеству. Я благодарен судьбе, что воспитан на спектаклях Большого театра, у наших великих мастеров, на их гениальной хореографии, и своим педагогом считаю Григоровича, хотя он, конечно, человек крайне сложный, и я с ним не согласен очень во многом. Просто надо сознаться, что все мое поколение воспитано одним балетным родителем и находится под его влиянием. Я хочу создать свой театр, как бы отойти от него, выскочить, но все равно получается, что работаю на основе его логического мышления.

при полном атеизме советская империя зла создала большую духовность, каким образом — абсолютно непонятно. В театре, естественно, за все отвечает генеральный директор, сейчас им стал мало знакомый нам Анатолий Иксанов. Увидим, как будет, по крайней мере хотелось бы почувствовать, что в театре за нас кто-то несет моральную ответственность. Геннадий Рождественский — один из самых значимых дирижеров в мире, назначение его заместителем генерального директора и генеральным художественным директором для Большого театра — хорошо. Как он будет руководить, посмотрим.

— Я знаю, у вас есть проблемы со здоровьем. Театр вам как-то помогает?

— Было, театр мне очень помог, деньги на операцию дал из фонда помощи актерам. Сейчас опять надо идти под нож, кость разваливается. Десять лет назад американцы сделали операцию на правой ноге идеально — я встал через семь часов, и вышел из больницы через пять дней. Сейчас левую ногу надо резать как можно быстрее. В Москве операция не стоит ничего, но здесь ужасная реабилитация. В Америке нужны бешеные деньги. Пока самая дешевая операция получается в Париже — тысяча десять.

— А кем вы официально числитесь в ГАБТе?

— Сейчас посмотрим. (Достает удостоверение.) Как написано в этой книжечке, я педагог-репетитор. Даю класс иногда, репетирую, все.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Михаил Леонидович Лавровский родился 29 октября 1941 г. в Тбилиси в семье выдающегося хореографа Леонида Лавровского и балерины Елены Чикваидзе. Окончил Московское хореографическое училище и был принят в труппу Большого театра. Солист Большого театра. В 1965 г. получил первую премию и золотую медаль на Международном конкурсе балета в Варне. Лауреат Ленинской премии. Парижской Академией танца ему присужден приз имени Вацлава Нижинского. Народный артист СССР. Лауреат Государственной премии.